

учные опыты на запланированных к остановке реакторах. На их проведение давали свое высокое «добро» Госатомнадзор, Минатом... А грамотно рассчитать возможные результаты, вернее последствия эксперимента для вдумчивого специалиста особого труда не составило бы.

Известно, что против его проведения высказались некоторые весьма ответственные лица. И

● Тайное и явное

«УССР» на обратной стороне листа. Версталщики ловко сработали.

Итак, о взрыве четвертого энергоблока ЧАЭС было известно задолго и достоверно. Но кому? Да всем, кто знал конструктивные особенности станции, ход ее проектирования, борьбу за экономиию всего и на всем во время строительства «ударными темпами». Более того, к тому времени Чернобыльская АЭС и ее тогдашние создатели и эксплуатационники уже стали персонажами художественного произведения — повести «Экспертиза», заверстанной в майском номере молодежного советско-болгарского журнала «Дружба» ныне — «Россияне») за 1986 год. Автор ее — известный сейчас писатель-атомщик, инженер, участник экспертизы АЭС и работавший на ее первом энергоблоке Григорий Медведев. Вся повесть — два печатных листа — пульсирует предчувствием неминуемой беды.

Проект второй очереди Чернобыльской АЭС был отложен, но не «зарублен», а когда страсти вокруг него улеглись, Минатом благополучно приступил к его осуществлению. Проектировщики, сэкономив десятки миллионов, прежде всего на системе безопасности станции, получили солидные премии. Проектировали ее в основном гидроэнергетики, знакомые с ядерными процессами по популярным изданиям. Они-то и подсунули под ядерный реактор паровую ванну — барботер, который в любой момент мог стать водяной бомбой чудовищной разрушительной силы.

Повесть не успела выйти на свет. Взрыв остановил издание журнала. Перепуганная цензорина кричала в трубку телефона: «Запомните, я не подписывала повесть. Не под-пи-сы-ва-ла!» Но зачем напрямую связывать ситуацию в Чернобыле с коллизией художественного произведения? — прикидывался я дурач-

[Окончание на 4 стр.]

Из цикла «Чернобыльская зона».

Фото
Владимира САВРАНА.

Дата трагедии в Чернобыле была известна задолго до 26 апреля?

ПРЕДПОЛОЖИТЬ, что факты, о которых пойдет речь ниже, — мистификация или набор случайностей, попытка выдать желаемое за действительное, в принципе можно. Но куда деться от обнаженной очевидности и навязчивости действий неизвестного публикатора, пытавшегося именно таким, доступным ему образом предупредить людей о грозящей всему миру опасности, приковав прежде всего внимание специалистов — физиков-ядерщиков. Любой другой способ в то время грозил в лучшем случае невниманием к заявителю.

Сейчас можно строить только догадки, как действовал в апреле восемьдесят шестого человек, рассчитавший неизбежность Чернобыльской катастрофы. Питаю слабую надежду на то, что нашу публикацию прочтут и откликнутся те, кто сумел накануне черного часа Чернобыля передать в «эфир» тревожное предупреждение. Я имею в виду публикации в новосибирском еженедельнике «7 дней» (№№ 17, 18) в апреле 1986 года.

Форма подачи сигнала грядущего бедствия лишь подтверждает незаурядные способности человека, наверняка знавшего все технологические и физические характеристики ядерных реакторов, действовавших на Чернобыльской АЭС. Из всего возможного многообразия символов он выбрал гениально простой, а потому с первого взгляда понятный технически грамотному человеку — схему ядерного реактора: трехконтурный квадрат с четырьмя рядами светлых кружков внутри. Такое изображение можно найти в любом популярном издании, в том числе в «Физическом энциклопедическом словаре», выпущенном издательством «Советская энциклопедия» в 1983 году, за два года до аварии, страница 920.

Такой только двухконтурный квадратик читатели «7 дней» обнаружили на странице 12, заверстанном в середину радиопрограммы на 26 апреля (!), причем вместе третьего кружка во втором ряду, если читать слева направо, изображена вытянутая шестилучевая звездочка.

Специалисты — технари знают, конечно, что это — символ взрыва, а не шресловутого «сионистского присутствия».

Значит, публикуя необычную заставку, неизвестный откровенно предупреждал ученых и инженеров ядерщиков: в субботу, 26 апреля, где-то произойдет взрыв ядерного реактора.

Еженедельник популярный, а в Новосибирске работают крупные физики, влиятельные силы. Причем первый SOS прозвучал 16 апреля, за 10 дней до взрыва, а если учесть время типографской работы, — за все две недели. Достаточно большой срок, чтобы обдумать смысл нелогичной для стереофонического раздела радиопрограммы заставки, поднять тревогу, вычислить адрес реактора, перепроверить, какие работы намечены там и не приведут ли они к катастрофе.

Отыскать адрес было бы нетрудно. Не каждый день проводятся на-

вообще, ни четкого разрешения, ни запрета не было: настораживали отдельные «вводные» эксперимента. Ведь и сейчас далеко не все ясно в логике поведения атома в различных ситуациях.

Вспоминается пресс-конференция академика Велихова на которой он признался, что в первые дни после взрыва никто не мог предположить, какой будет реакция ядерного расплава с железобетоном. А опасаться было чего: если тот расплав пробьет мощное железобетонное днище реактора и ринется в барботер — 35 тысячекубовый резервуар с водой, последует чудовищный взрыв такой силы, от которого взлетела бы к небесам вся станция целиком. Вот почему так спешили метростроевцы, прокладывая тоннель под основание барботера, чтобы затем постараться выпустить воду, спередив возможность проникновения туда расплава.

Но возвратимся к публикации. Повторно она появилась в номере 18 «7 дней» — за три дня до взрыва. Еще три дня в запасе, чтобы предотвратить катастрофу века. При внимательном рассмотрении обнаруживается и адрес реактора: на просвет звездочка — символ взрыва находится как раз на слове

Дата трагедии в Чернобыле была известна задолго до 26 апреля?

[Окончание. Начало
на 2 стр.]

ком. — «Там же один к одному предугадан взрыв и вообще все угадывается: АЭС — Чернобыльская, директор Брюханов — Пузанов и т. д. Вы что, не понимаете?!» Конечно, своего цензора мы не подвели. А повесть увидела свет лишь в декабре. Не помогли ни обращения к руководству Главлита, ни к самому Егору Кузьмичу Лигачеву.

Не буду пересказывать содержание повести «Экспертиза». Теперь она, как и другие произведения Г. Медведева, обошла многие издания мира, а его хроника «Чернобыльская тетрадь», опубликованная в «Новом мире» (хотя заказывал ее для нашей «Дружбы»), стала литературной сенсацией. Что же касается новосибирской публикации (мне говорили, что подобные материалы приходили в адрес центральных газет и из других мест), добавлю только, что копия ее была передана одному из зампредов КГБ.

Мне сообщили, что бригада типографских рабочих, делавших номера 17 и 18 «7 дней» 1986 года к тому времени разбежалась и установить точно, кто работал тогда на выпуске не представляется возмож-

ным. Сомнительно, конечно, чтобы асы сыска так просто расписались в своей беспомощности. Мне думается, никто тогда всерьез не принял эту публикацию. К тому же, анонимные авторы писем с вырезками сводили все к «проискам сионистов».

Григорий Медведев дал другой комментарий: а что если публикация — всего лишь пари молодых экспертов? Это что — сюжет для небольшого рассказа? — спросил я его.

Алексей ИСАЕВ.
(«Российская газета»).